

VISUAL AIDS ASSISTING US IN CHARACTERIZING
RUSSIAN LANGUAGE ANLAUT VOWELS

*A. Bertlani*¹

Abstract

In Linguistics, once and forever, it has been established an idea that neither Georgian, nor the Russian language has the strong vowel excursion. This view is similar to an axiom, so it would not even occur to anyone to seek something in that direction, just as no one wants to create a Perpetuum mobile.

However, it turned out to be very useful to make typological comparison between the Georgian and Russian languages (and not only in these languages) and Tushetian where strong vowel excursion has been detected and recognized.

The long and meticulous study of articulation in these languages allowed us to see a different perspective and reveal unknown features of vowels, such as suppressed strong vowel excursion, which has been repeatedly reported by the author. The observations show that in certain positions of the vowels, strong vowel excursion is observable in all languages of the world, including Russian. As for the strong excursions of the vowels, for example, in German (as well as some other languages), it is really a different and distinctive element, which is a separate issue.

Keywords: Russian Language, staccato, legato, Anlaut Vowels.

Вступление

Известно, что французы могут различать в русском языке два вида звука [ə]² – открытый и закрытый, чего не могут сами русские [14], ибо, в отличие от французского, в русском языка эта черта, не являясь фонологической, не подвергается адекватному вниманию и для анализа остаётся в невыгодном положении.

В условиях, когда тушинский язык имеет как сильный, так и свободный приступ гласных (анялутных), типологическое сравнение с этим языком даёт нам возможность говорить об этом интересном признаке и по отношению к гласным русского языка.

Если, владея тушинским языком как живой речью (для которой естественны фонологические оппозиции с точки зрения приступа), производить длительные наблюдения под этим углом, то не составит особого труда разглядеть и выявить эту интересную особенность и в том языке, в данном случае – в русском, где она по сей день не замечена и не распознана.

Скрупулёзные наблюдения над приступом гласных тушинского языка и непрерывные типологические искания обусловили необходимость сосредоточить внимание и взглянуть иначе на гласные и русского языка, что привело к определённом результату. Для начала это вполне возмож-

---

¹Arsen Bertlani, Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia.

²После мягких согласных передаётся графемой *е*.

но и без применения специальной аппаратуры: если «фонетическое описание требует тщательных экспериментальных исследований», где мы «должны довольствоваться только осторожными общими утверждениями», – учит нас **Н. Трубецкой**, – то фонологическая сторона звуковых систем, напротив, «может быть подвергнута исследованию уже сегодня и без непосредственного наблюдения над произношением носителей» языка [19 – 284].

Предложенная здесь тема уже была представлена читателям [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. На этот раз проведена попытка учесть замечания апробационного периода и дополнить рассуждения более квалифицированными рассуждениями.

Методы исследования

Вместе с дескрипцией, в качестве метода исследования использована типология, в которую включены аспекты синхронии и диахронии гласных как русского, так и тушинского языков. Представлены наглядности, подтверждающие наличие сильного приступа – признака, хорошо известного в тушинском языке, но до сих пор не осознанного по отношению к гласным русского языка. В качестве объекта наблюдения подобраны части речи тушинского и русского языков, представляющие собой драгоценный материал для научного размышления. В процессе исследования привлечён материал из богатого арсенала лингвистической теории.

Обсуждение и выводы

В лингвистике раз и навсегда укоренилось мнение о том, что, например, ни в грузинском, ни в русском языках для гласных звуков не характерен сильный (смычный) приступ. Такое понимание доведено до уровня аксиомы в той степени, что у учёных не возникает и мысли искать что-либо в этом направлении так же, как никто уже не мечтает создать перпетуум-мобиле.

Тем не менее, оказалось весьма и весьма полезным и продуктивным типологическое сравнение тушинского языка (в котором учёные допускают наличие сильного приступа гласных), с грузинским и русским языками (и не только): общеизвестно, что внимательное изучение лингвистических фактов в одном языке приносит несомненную пользу в деле изучения другого языка, что является благом типологии.

Долгие, скрупулёзные наблюдения над артикуляцией этих языков дали нам возможность разглядеть гласные звуки русского (и не только) языка под другим углом и выявить в них (в гласных русского языка) неизвестные доселе признаки, в том числе и такой, каким является сильный приступ (экскурсия).

По поводу наличия сильного приступа гласных как в грузинском, так и русском языках нами было сказано неоднократно в разных аспектах [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.].

Сильный приступ подразумевает резкое и мгновенное замыкание ранее плотно замкнутых голосовых связок, что фонетически (физиологически) в ларинксе оформляется взрывом, нетрудно ощущаемом при внимательном наблюдении и самим говорящим.

Приведём из этой области всего несколько примеров, которые, на наш взгляд, более ясно донесут до читателя идею данных рассуждений.

Но прежде стоит напомнить и о том, каковы перспективы передачи на письме тех или иных артикуляционных своеобразий: при анализе фонетико-фонологических особенностей имеет немаловажное значение и это.

Например, по сей день русисты, не проявляя должного внимания к русскому алфавиту как конституции письменности языка, этому основному закону, не допускающему искажений, разнотчений и домыслов (**Андреев-Гренин**), тем самым не способствуют обязательному оформлению в письменной речи графемы **ё** соответствующей диакритикой (две точки сверху), что, как правило, вводит читателя в заблуждение на перцептивном уровне, провоцируя произношение **ё** в качестве **е** (ср. **небо**– **нёбо**). Это обстоятельство, являясь явным нонсенсом, в свою очередь, вызывает фонологическую и, значит, семантическую путаницу, что, кстати, и оказалось объектом критики **С. Андреева-Гренина** [1]. Такое отношение к написанному и произносимому критик называет лентяйски-анархистским подходом с пренебрежительным оттенком [Там же]. Другой критик, считая, что данная реальность перешла границы орфографического пренебрежения и вступила в прогрессирующую советско-постсоветскую шизофрению, замечает, что во множестве других языков есть буквы с дополнительными знаками, но никогда никакому носителю этих языков не приходило в голову не употреблять их, разве что психам в специальных психиатрических клиниках и, вместе с другими примерами, приводит и такой: **В ближайшие дни страна передохнет от холода – В ближайшие дни страна передохнет от холода** [2].

Приведённые высказывания вызваны отсутствием соответствия между графическим и фонетическим, а тем более фонологическим: восприятие (перцепция) прочитанного не должно быть, как сказал бы **Г. Лейбниц**, мутным [15], дабы ориентация слушателя не была неадекватной.

Ещё сложнее обстоит дело с экстралингвистическими своеобразиями, встречающимися почти на каждом шагу в живой, а потому ежеминутно изменяющейся речи.

«На письме такие вещи передаются плохо, – с сожалением отмечает **А. Успенский** и приводит слова **Б. Шоу**: – есть 50 способов сказать «да» и 500 способов сказать «нет», и только один способ написать это» [21-305]. К словам этих известных людей, смело можно добавить, что многое из устной речи передаётся не просто плохо, но вообще невозможно передать письменно. К такой категории относятся примеры, привлекаемые нами в данном исследовании, посвящённом выявлению сильного приступа гласных в русском языке, и оставленные лингвистами по сей день за пределами какого-либо научного интереса и какой-либо квалификации.

Один из рассказов русской писательницы **Тэффи (Н. А. Бучинской)** обеспечивает нас весьма интересным и полезным для лингвистических рассуждений материалом [20-255-258]. Здесь сконцентрированы расчлнённые при произнесении лексические единицы (*staccato*), подлежащие согласно орфоэпическим нормам связной артикуляции (*legato*). Из них можно проиллюстрировать те, в которых имеет место факт артикуляционного расчленения (*staccato*) перед гласными, благодаря чему бывшие инляутные гласные оказываются в анялуте (в абсолютном начале слова):

«Отчего **гимн-азия**, а не **гимн-африка**? Отчего **обни-мать**, а не **обни-отец**? Отчего **руб-ашка**, а не **копеек-ашка**?»

Согласно грузинскому фонологу **Г. Ахвледиани** [3 – 94; 4 – 95], в науке принято искусственно, умышленно расчленять целое (в данном случае – лексему) на нужные нам части для того, чтобы облегчить изучение (анализ) интересующих нас произносимых единиц. Из художественных соображений **Тэффи** поступила также, оказав при этом неоценимую услугу лингвистике, в частности, экстралингвистике, благодаря чему ею и был произвольно реализован этот интересный приём языкознания, предлагаемый **Г. Ахвледиани**.

Здесь друг другу противостоят лексемы обыкновенные и выдуманнные писательницей. Для выдуманных слов использованы, с одной стороны, модели русского словообразования, а с другой – искусственное расчленение (*staccato*), разъединение их (слов) там, где другой раз этого не следовало делать. Тем самым писательница создала такую артикуляционную и акустическую реальность, когда, хотим мы этого или нет, гласный нужно (приходится) произнести с сильным приступом, т.е. с таким приступом, которого он (гласный) не имел и не мог иметь при слитном произнесении, будучи не в анялуге (*legato*). Подобное артикуляционное (и акустическое) различие приступов гласных в противопоставляемых здесь лексемах мы, говорящие, обнаруживаем без особого труда при сравнении слитного (*legato*) и расчленённого (*staccato*) произношений анализируемых лексем. Эффект будет ещё более ощутимым, если, заранее плотно закрыв уши кончиками пальцев¹, замкнём и губы²: при артикулировании гласного с сильным приступом (*staccato*) каким в данных примерах оказался гласный **а**, в голосовых связках, находящихся в гортани (ларинксе), раздаётся лёгкий сухой треск, мгновенный взрыв, при слитном же произнесении (*legato*) ничего подобного места не имеет; ср. (искусственные образования и написания обозначены звёздочкой):

гимназия – *гимн - азия гимн'азия ¹	( )
*гимнафрика – *гимн-африка гимн'африка	( )
*обниотец – *обним-отец обним'ѳтец ²	( )
рубашка – *руб-ашка руб'ашка	( )
*копеекашка – *копеек-ашка копеек'ашка	( )

Следует подчеркнуть, что ни здесь, ни в приведённых ниже примерах не происходит ничего особенного, ничего загадочного и «заумного»: в по-

¹ Этот способ **шизофонии (расчленения звука речи на возможные составные элементы)** нами назван **наблюдением над искусственным положением речевого аппарата**[10].

² Такой способ **шизофонии** нами назван **артикуляцией «П канала»**[10].

добных случаях (т. е. в анляуте или в изолированном, обособленном положении, а также при расчленённом произношении отдельных отрезков слов, начинающихся с гласного) любой нейотированный гласный (**а, и, о, у, ы, э**) любой носитель русского языка ежедневно и ежеминутно произносит с сильным приступом. Дело лишь в том, что подобный признак этих гласных русского языка в описанных выше позициях до сих пор не изучен, не выявлен и не квалифицирован ни общей фонетикой, ни самой русистикой.

В популярной песне «*Всё могут короли*» встречается такая синтаксическая конструкция – «**Но, впрочем, песня не о нём, а о любви**», где артикуляция осуществляется по строгим законам **сандхи**¹. В частности, безударный предлог **о**, параллельно подвергшись аканью, редуцируется: [ъ]. Но редуцируется и безударный противительный союз **а**: [ъ]. В результате рядом оказываются два редуцированных гласных: [ъъ]. Это и облегчает выявление того признака гласных, по поводу которого ведётся разговор. Для ясности рассуждения схожие величины целесообразно пронумеровать: [ъ₁ъ₂].

Согласно сказанному, [ъ₁] (т. е. союз **а**), само собой, произносится с сильным приступом: [’ъ₁].

Если [ъ₂] (т. е. предлог **о**), следующий за [’ъ₁] (т. е. за союзом **а**), произнести слитно (*legato*) с предыдущим звуком, т. е. вместе с [’ъ₁], разрушится речевая логика. Для того, чтобы семантика произносимого была адекватной, предлог **о** (т. е. [ъ₂]) следует произнести с присутствием ему сильным приступом: [’ъ₂]. Иначе невозможно произнесение этих двух морфологических данных: **а о любви** [’ъ₁’ъ₂] **любви**. Так и поёт рассмотренную нами фразу **А. Пугачёва**, великий мастер и русской орфоэпии.

Всё будет аналогично, если вместо предлога **о** фразу снабдить предлогом **у**, с тем выгодным для нас различием, что гласный **у** не подвергается ни аканью, ни редукации и не приходится включать дополнительные графические обозначения при транскрибировании: **а у любви** [’ъ’у] **любви**.

В качестве мини эксперимента возьмём слова **заумный, наигранный, неэффективный**, где каждый звук (и гласный, и согласный), кроме начального (анляутного), находится в слитном и плавном (*legato*) произношении с предыдущим звуком, что можно оформить соответственно:

з̣āạ̄ụ̄ạ̄ṃạ̄ṇạ̄ỵạ̄й̣;
 н̣ạ̄ạ̄ị̄ạ̄g̣ạ̄ṛạ̄ạ̄ị̄ạ̄ṇạ̄ỵạ̄й̣;
 н̣ạ̄ẹ̄ạ̄ẓạ̄f̣ạ̄f̣ạ̄ẹ̄ạ̄ḳạ̄ṭạ̄ị̄ạ̄ṿạ̄ṇạ̄ỵạ̄й̣.

Объектами наблюдения являются гласные: **у** – в первом слове, **и** – во втором, **э** – в третьем.

Чтобы выявить особенности этих гласных, произведём обыкновенный перенос со строки на строку взятых в качестве примеров слов:

умный	за-

¹Сандхи (санскр. ‘связь, соединение’) – изменения звуков наморфемных швах (**сандхи внутреннее**) и на границе двух слов (**сандхи внешнее**) [16 – 432].

игранный	на-
эффективный	не-

Теперь можно закрыть оставшиеся на первых строках части данных слов и любого носителя русского языка попросить прочитать вслух (произнести) части, оставшиеся на визуальной площади:

умный	
игранный	
эффективный	

По нашим неоднократным наблюдениям в качестве результата получаем гласные с сильным приступом (*staccato*), благодаря которому происходит замыкание и размыкание голосовых связок, что не имело места при слитном (*legato*) их произнесении (транскрипции подвергаются лишь интересующие нас гласные):

умный ['у]мный	
игранный ['и]гранный	
эффективный ['э]ффективны	

Такой же результат мы получим, если проследить обыкновенное деление любых слов на слоги: **не-у-да-ча – не-['у]-да-ча, за-оч-но – за-['оч]-но, не-ис-крен-ний – не-['ис]-крен-ний...**

В любом языке, в том числе и в русском, сильный приступ начальных гласных настолько очевиден, что беспроблемно воспринимается и невооружённым ухом – без ультрасовременной лингвоаппаратуры [12-312].

Согласно американскому учёному XX в., У.Вайнрайху, даже единственный пример как состоявшийся языковой факт является вполне достаточным для соответствующей квалификации [18-246], тогда как подобным примерам в русском языке не видно конца. Но пора уже сказать, что в определённой позиции, в частности, в абсолютном начале слова гласные русского языка **а, и, о, у, ы, эв** самом начале произнесения имеют сильный приступ в виде смывного (взрывного) ларингального согласного ['].

Когда, при анализе тушинского языка, функционирующего ныне в единственной местности всей планеты – в селе Земо Алвани Ахметского района Республики Грузия [13-9], рассматривалось понятие **простого (обыкновенного) гласного**, было отмечено, что гласные **a, i, o, u, e (а, и, о, у, э)** являются базовыми, общими если не для всех языков мира, то, во всяком случае, для подавляющего большинства [10]. Исходя из этого, они ничем (или почти ничем) не отличаются в языках. Поэтому перечисленные гласные и не подчиняются каким-либо особым артикуляционным или графическим разъяснениям в двуязычных словарях. Не нуждается в каких-либо особых информациях в этом смысле ни научная, ни учебно-методическая литература, в частности, нигде не возникает потребность указать, что артикуляция (или написание) этих гласных при изучении языка (языков) связана с теми или иными проблемами. И наоборот, в связи, например, с назализрованными, краткими, долгими и т.д. гласными подобную информацию мы находим на каждом шагу.

Прибегая к рассуждениям **М. Мамардашвили** [17-337], мы могли бы сказать и так: каждый из этих пяти гласных (**a, i, o, u, e**) является общefonетическим феноменом языкового сознания, языковой психологии. Эти пять гласных так или иначе знает и правильно артикулирует любой носитель любого языка или диалекта. Ни одному (или почти ни одному) говорящему человеку (*Homodictor*) не приходится прилагать умственное усилие для того, чтобы убедиться, что произнесены и услышаны именно эти, а не другие звуки (гласные), быть может, потому, что человек начал говорить именно с гласных, более того, он так (или почти так) и произносил их до того, как стать человеком – говорящим.

Всё аналогично и с точки зрения их приступа: любой носитель любого языка эти гласные произносит с сильным (со смычным) приступом, т.е. замыканием и размыканием голосовых связок, в частности, эти гласные имеют сильный приступ и в романских языках, что в общей фонетике по сей день не квалифицировалось.

Так, после исследования гласных тушинского языка, убедившись в наличии там сильного приступа, на теоретическом уровне уже можно было сказать: в определённых позициях гласные **a, i, o, u, e** имеют сильный приступ во всех языках мира, в том числе и в русском. Точнее: анляутные гласные русского языка **а, и, о, у, ы, э** в самом начале произнесения имеют сильный приступ в виде смычного (взрывного) ларингального согласного [']. Что же касается этого признака гласных, например, в немецком языке (а также в некоторых других языках, в том числе, и в тушинском), где он является явно отличительной чертой, то это – тема особого разговора.

References:

- [1] Андреев-Гренин 2011 – С. Андреев-Гренин, Две точки над "Е", или буква-невидимка, 2011: <http://www.chitalnya.ru/work/344228/>
- [2] Безрода 2012 –Б. Безрода, Трактат о раскованности русского языка, 2012:
- [3] <https://www.proza.ru/2012/04/27/1597>
- [4] Ахведиани 1949 – Г. Ахведиани, Основы общей фонетики, Тбилиси, 1949(На грузинском языке).
- [5] Ахведиани 1966 – Г. Ахведиани, Введение в общую фонетику, Тбилиси, 1966(На груз. яз.).

- [6] Бартишвили 1998 –А. Бартишвили, К вопросу о сильном приступе анялутных гласных на примере окклюзии в тушинском языке: Вопросы изучения русского языка и литературы, 14-16, Владикавказ, 1998.
- [7] Бертлани 2004 – А. Бертлани, Опыт выявления сильного приступа грузинских гласных: Сборник научных трудов Тесау, 15-16: 8-11, Телави, 2004(На груз. яз.).
- [8] Бертлани 2005 – А. Бертлани, Опыт выявления сильного приступа гласных в русском языке: Сборник научных трудов Тесау, 2 (18): 97-99, Телави, 2005.
- [9] Бертлани 2006 –А. Бертлани, Ещё раз о сильном приступе анялутных гласных в русском языке: Сборник научных трудов Тесау, 1 (19): 68-70, Телави, 2006.
- [10] Бертлани 2008 – А. Бертлани, Общезвучные вопросы характера и генезиса гласных на материале цоватушинского языка: II международный симпозиум. Иберийско-кавказское языковедение. Наследие и перспективы. Материалы, 88-90, Тбилиси, 2008(На груз. яз.).
- [11] Бертлани 2012 –А. Бертлани, Фонетика и фонология тушинского языка, Тбилиси, 2012(На груз. яз.).
- [12] Бертлани 2014 – А. Бертлани, Речевые примеры для выявления сильного (смычного) приступа гласных в русском (и не только) языке, Доклад, VII международная конференция. Образование. Экономика. Стабильное развитие. Программа конференции, с. 12, Грузия, Гори, 2014.
- [13] Бертлани 2015 – А. Бертлани, Общезвучные вопросы характера и генезиса гласных на примере тушинского языка (К очертанию пути от гласных к согласным), Тбилиси, 2015(На груз. яз.).
- [14] Гигашвили 2014 – К. Гигашвили, Современный этно-социолингвистический профиль цоватушин, Тбилиси, 2014(На груз. яз.).
- [15] Ладария 2002– Н. Ладария, Социолингвистика, Тбилиси, 2002 (На груз. яз.).
- [16] Лейбниц 2015 – Г. Лейбниц, Перцепция, 2015:
- [17] <https://ka.wiktionary.org/wiki/%E1%83%9E%E1%83%94%E1%83%A0%E1%83%AA%E1%83%94%E1%83%9E%E1%83%AA%E1%83%98%E1%83%90>
- [18] ЛЭС 1990– Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
- [19] Мамардашвили 2000 – М.Мамардашвили, Эстетика мышления, М., 2000.
- [20] Микеладзе 2011– М. Микеладзе, Морфология имён цоватушинского языка, Тбилиси, 2011 (На груз. яз.).
- [21] Трубецкой 1987 – Н. Трубецкой, Избранные труды по филологии, М., 1987.
- [22] Тэффи 1988 – Тэффи (Н. А. Бучинская), Взамен политики. В сб.: Мелочи жизни, Русская сатира и юмор второй половины XIX – начала XX в., М., 1988.
- [23] Успенский 1962 – Л. Успенский, Слово о словах. Ты и твоё имя, Л., 1962.